

Стрелки часов приближались к десяти вечера.

Большинство пассажиров уже спали. В полумраке салона тускло светились лишь редкие плафоны над сиденьями, окутывая проход мягким, золотисто-желтым сиянием.

Лайнер летел на высоте в несколько десятков тысяч футов. В иллюминаторе, крохотном, словно сложенный вдвое носовой платок, чернела безлунная ночь.

Ло Кэ задумчиво разглядывал зажатую в ладони куклу-марионетку. Взор его был туманным и полным смешанных чувств.

Крошечная фигурка величиной с большой палец изображала юношу в традиционном наряде народности мяо. Ручная работа, искусная резьба по дереву, расписанная натуральными красками.

И пусть фигурке не хватало безупречного глянца фабричной штамповки, тончайшие линии и тщательно отполированная поверхность выдавали кропотливый труд мастера. Тот, кто вырезал её, явно вложил в работу всю душу.

Если всмотреться повнимательнее, в тонких чертах деревянного лица угадывалось поразительное сходство с самим Ло Кэ.

— Подвинься, — сидящий рядом Е Си навалился на него всем телом, с любопытством пытаясь разглядеть что-то в иллюминаторе.

В тесном ряду кресел было не развернуться; Е Си возился и крутился так бесцеремонно, что пуговицы его рубашки то и дело едва не задевали кончик носа Ло Кэ.

— Эй! — недовольно нахмурился Ло Кэ, пытаясь осадить соседа.

Однако Е Си даже не обернулся, полностью поглощенный созерцанием ночного неба.

Шел сентябрь две тысячи одиннадцатого года. С тех пор как они ввязались в ту злополучную «зеркальную игру», пронеслось чуть больше года.

Кровавая трагедия, разыгравшаяся в комнате 603 мужского общежития №2 Университета Б, в свое время наделала много шума. Но поскольку случившееся не укладывалось ни в какие рамки здравого смысла и не поддавалось научному объяснению, следствие зашло в тупик, и дело по-тихому замяли.

Что же до самоубийства Юй Чэна... Перед смертью он оставил записку, в которой признавался в убийстве Е Муцин. Впрочем, учитывая, что другой подозреваемый, Лу Фэй, погиб при несчастном случае много лет назад, дело давно сдали в архив.

Статус Юй Чэна и влияние его отца обязывали к крайней осторожности: обнаружение правды неизбежно вызвало бы громкий скандал. Взвесив все за и против, полиция предпочла не предавать огласке содержание предсмертной записки, сообщив детали дела лишь самым близким родственникам.

Для Е Си это стало сокрушительным ударом. Ему потребовались месяцы, чтобы примириться с немыслимой, чудовищной правдой: его старший брат лишил жизни собственную мать.

Но какой бы невыносимой ни была боль, время, подобно неумолимому речному потоку, уносило прошлое прочь.

Кошмарные события той роковой ночи, фигура Юй Юньцзэ, мотивы самоубийства Юй Чэна и бесконечные пересуды вокруг трагедии — все это со временем стерлось из памяти окружающих. Об этом больше не вспоминали.

Как и любые другие потрясения, какими бы оглушительными они ни казались вначале, эта история со временем покрылась пылью забвения в самых глухих закоулках человеческой памяти.

Люди по природе своей склонны забывать. Наверное, только благодаря этому спасительному свойству разума жизнь способна течь дальше, не замирая на месте.

Университетский городок, еще недавно бурливший слухами и пересудами, постепенно вернулся к своему привычному, размеренному ритму.

А несколько дней назад Ло Кэ получил неожиданное извещение о доставке. В конверте лежало лишь одно — изящное приглашение на плотной алой бумаге.

На обложке красовались два переплетенных сердца, пронзенных стрелой Купидона, а чуть ниже трогательно склонили друг к другу головы неразлучники-мандаринки. Сомнений не оставалось: это было приглашение на свадьбу, которую в народе метко именовали «алой бомбой» — намеком на неизбежные траты на подарок.

Суеверные люди обычно вырезали иероглиф «двойного счастья» с таких открыток и вешали его на домашние растения. Считалось, что если подвесить его к веткам декоративного цветка в глиняном горшке и поставить тот в южной части комнаты, семейное благополучие пустит глубокие корни, а одиноким хозяевам это принесет удачу в любви.

Ло Кэ, разумеется, лишь скептически усмехался при виде подобных ритуалов. Любовный

интерес такое средство, может, и притянет, да только никто не гарантирует, что это не обернется очередной драмой. В подобных делах он предпочитал полагаться на судьбу.

Отправителем значился его школьный приятель Куан Е. Выходец из загадочных краев Сянси, принадлежащий к народности мяо, он звал старого друга в свои края на торжественную церемонию помолвки.

Вновь взглянув на куклу-марионетку, Ло Кэ невольно погрузился в воспоминания. Перед его глазами возникло тонкое, удивительно одухотворенное лицо.

— Ло Кэ, тебе нужны конспекты? — робко, с мягкой полуулыбкой спрашивал юноша.

Эта застенчивая, чистая улыбка делала его похожим на искреннего ребенка.

В те годы Ло Кэ пропадал на тренировках баскетбольной сборной. Пропуски были делом обычным, так что тетради приходилось одалживать у одноклассников. Конспекты Куан Е всегда славились безупречным каллиграфическим почерком и точностью — они были куда понятнее и подробнее того, что учителя торопливо чертили мелом на доске.

Казалось, все это происходило в какой-то прошлой жизни, хотя на деле их разделяла лишь пара лет — пара сотен быстротечных дней и ночей.

Жизнь удивительна: вещи, которые когда-то казались концом света, со временем превращаются в незначительные эпизоды. Те, с кем ты делил каждую свободную минуту, за несколько смен времен года незаметно становятся случайными прохожими с размытыми лицами на пожелтевших снимках.

— Ты весь путь возишься с этой безделушкой, не надоело еще? — Е Си, оторвавшись от иллюминатора, недовольно закатил глаза. — Если тебе так хочется куклу-марионетку, я куплю тебе с десятков корейских или японских фигурок. Они выглядят куда симпатичнее этого уродца.

Ло Кэ проигнорировал его выпад.

Год назад, в самый последний миг, у Ло Кэ так и не поднялась рука на Е Си. Тогда он впервые в жизни пошел против воли собственной бабушки.

Он не знал, пожалеет ли об этом в будущем, но был твердо уверен в одном: если бы он оборвал жизнь Е Си тогда, раскаяние настигло бы его незамедлительно.

Решение взять парня с собой в Сянси тоже преследовало личные цели.

С одной стороны, присутствие Е Си служило своеобразной преградой между ним и Куан Е. С

другой — тот все же не был обычным человеком, и оставлять его без присмотра казалось делом опрометчивым.

Бабушка Ло часто повторяла: «Призраки — сущности проклятые. Они несут в себе бремя восемнадцати бедствий: от нищеты и убожества до скорби, тлена, позора и мучительной гибели. Даже если они не желают зла, сама их аура отравляет судьбы живых».

Чтобы свести к минимуму вредоносное влияние Е Си, Ло Кэ пришлось смириться со своей участью и держать его при себе, не спуская с него глаз.

— Эй, ну чего ты завис? — так и не дождавшись ответа, Е Си шутливо ткнул его кулаком в плечо и указал на стекло. — Не зря же мы на билеты тратились, посмотри, какая красота! На такой высоте звезды видно даже лучше, чем в самый мощный телескоп. Повезло нам сегодня с погодой.

Косясь на него с раздражением, Ло Кэ проследил за направлением его пальца. На глубоком бархате иссиня-черного неба ярко сияли семь звезд Большой Медведицы, похожие на рассыпанные драгоценные камни.

— Ерунда какая, — фыркнул он.

Ясными летними ночами созвездие прекрасно видно и с земли, так что бурный восторг Е Си казался Ло Кэ совершенно детским и глупым.

— Ничего ты не понимаешь в прекрасном! — Е Си обиженно прищурился. — Я с детства обожаю смотреть на небо. Звезды мне кажутся какими-то родными. Особенно Ковш.

Ло Кэ невольно замер. Он ведь тоже питал необъяснимую слабость к звездам. Особое, почти благоговейное притяжение он чувствовал к Кайяну — шестой звезде Большого Ковша. Почему вид этого далекого светила отзывался в груди щемящей теплотой, Ло Кэ не мог объяснить себе до сих пор.

Помолчав немного, он негромко спросил:

— А ты знаешь легенду о Кайяне?

Е Си покачал головой.

— Она связана с Озером Дилянъ.

— С Озером Дилянъ? — парень с любопытством склонил голову набок. — Это то самое озеро, под которым несколько тысяч лет назад из-за оползня оказался погребен городок Фуцью?

— Именно.

— И какая же между ними связь? — заинтригованный Е Си поерзал в кресле. — Расскажи. Все равно лететь скучно, а спать не хочется.

За иллюминатором сгущалась глухая полночь, в салоне самолета воцарилась дремотная тишина. Ло Кэ заговорил негромко, и его бархатистый, низкий голос зазвучал завораживающе, словно унося слушателя сквозь толщу веков к истокам древних мифов.

Давным-давно среди хребтов горы Фуцзюй пряталась уединенная долина, а в ней покоилось озеро. Вода его, вобравшая в себя первозданную силу окрестных лесов, отливала удивительным изумрудным цветом. Чистая, прозрачная, словно гигантский драгоценный камень, она манила своей таинственной красотой.

Каждое лето на глади этого озера распускался лотос. Всего один-единственный цветок.

Никто не знал, как он там появился. И никто не мог разгадать, почему он всегда рос в одиночестве.

Местные жители прозвали водоем Озером Дилинь — в надежде, что когда-нибудь на одном стебле распустятся сразу два бутона, символизируя неразлучных влюбленных. Но надежды так и оставались бесплодными мечтами.

Миновали века. Однажды Звездный монарх Кайян, владыка одной из вершин Большого Ковша, спустился в мир смертных. Проходя мимо заповедного озера, он увидел одинокий лотос и уже не смог отвести от него глаз.

Тот цветок не обладал царственным величием золотых лотосов Си-ван-му, в нем не было строгой святости белых кувшинок у престола Будды или кокетливой прелести цветов в садах Цзютянь Сюаньнью. И все же лотос из затерянной горной долины казался неповторимым. Он гордо тянулся к нему среди безмолвных скал, дикий, изящный и бесконечно свободный.

Вернувшись в Небесные чертоги, Кайян часто смотрел сверху на затерянное озеро и невольно улыбался.

«Всего лишь обычный земной цветок, но почему же он так прекрасен?»

Казалось, лотос обладал собственной душой. В его вольной грации сквозило величие, превосходящее великолепие священных золотых садов Небесной Владычицы, и непоколебимая уверенность, которой могли бы позавидовать чистейшие бутоны у подножия божественного трона.

Время в заоблачном царстве текло безмятежно — там не знали ни болезней, ни смерти, ни

увядания. Но у этой вечности была и обратная сторона.

Отречение от мирских страстей и вечный покой даровали богам безупречную мудрость, избавляя от земных тревог. Но влачить существование миллионы лет в абсолютном безмолвии было невыносимо скучно.

Кайян, также звавшийся Звездным монархом Уцью, ведал воинской доблестью и защитой смертных. Свободные от небесной службы дни он проводил в компании братьев, Юйхэна и Яогуана: они состязались на мечах, играли в го, пили изысканный чай и музицировали.

И так продолжалось тысячелетие за тысячелетием. Одно и то же, без изменений. Тоска смертная.

И вот под влиянием секундного порыва небесный воитель решил узнать: что произойдет, если вдохнуть настоящую жизнь в тот упрямый земной цветок?

С тех пор всякий раз, когда на него накатывала хандра, Кайян садился у края облака и играл на цине божественные мелодии, читал вслух священные сутры сердца и молился, чтобы нежный бутон никогда не познал увядания.

Шли века. Омываемый звуками небесной музыки и благословенными словами сутр, лотос пробудился. Он обрел разум и обратился в духа-оборотня, способного принимать человеческий облик.

Легенды гласят, что дух этот явился в мир в образе прекрасного юноши. Он вольно скитался среди диких лесов и гор, безмятежно смеясь над суетой бренного мира.

Он вобрал в себя чистоту утренней росы и сияние лунного света; ликом он был прекрасен, а душой — чист и благороден. Даже пронырливые духи-мыши, что веками жили у ног самого Будды, внимая его проповедям и втихара лакомясь маслом из храмовых лампад, не могли сравниться с ним природной мудростью и духовным даром.

Сам Звездный монарх Кайян не устоял перед искушением. Пораженный своим творением, он тайно покинул Небесные чертоги и спустился на землю, чтобы познакомиться с новорожденным духом лотоса.

Как писал великий У Чэнъэнь: «В горах не ведают теченья дней, лишь по уходу стужи судят о годах».

Пока на земле сменялись династии и рушились царства, божество и дух провели бок о бок сотни счастливых лет, связав себя узами нерушимой, преданной дружбы.

<http://bllate.org/book/18180/1754004>